Марков Б.В. Социально-культурные предпосылки терроризма

Доклады на форуме

Полную версию статьи читайте **здесь**

22.05.2004 - 8:37 pm

Пора спросить: кто такие преступники, маньяки, террористы? Являются они наследием старого мира или порождением новых форм существования, в том числе и благ цивилизации?

Философы со времен Просвещения говорили о достоинстве, свободе и правах человеке, но весьма мало писали о его несовершенстве. Уповая на исторический прогресс, мы просмотрели причины появления новых форм зла. Пора спросить: кто такие преступники, маньяки, террористы? Являются они наследием старого мира или порождением новых форм существования, в том числе и благ цивилизации? Сегодня мы философствуем в условиях чрезвычайной ситуации. Стремительно распадаются старые привычные формы жизни, а складывающиеся новые отношения людей не радуют потому, что оказываются весьма далекими от идеалов. Как, например, расценивать нарастающий индивидуализм людей, стремление к личной независимости и комфорту, разрушительным образом действующих на целостность социальной ткани. Исчезают политические, государственные добродетели и никто уже не желает нести на своих плечах трансцендентальный груз служения отечеству.
Вспышки терроризма, ставшие отличительной чертой нашего времени, требуют своего осмысления и анализа, прежде всего для того, чтобы не только противодействовать террору, но и устранить саму возможность его применения. Естественно, что для этого должны быть соединены усилия как психологов и политиков, так и военных. В "мозговой атаке" на террор должны принять участие и философы. В последние годы, как у нас, так и за рубежом стали появляться социально-философские исследования природы, видов, а также стратегий и тактик террора. Традиционный подход состоит в описании его происхождения и эволюции, как форм протеста тех или иных меньшинств - маргинальных личностей, групп или целых народов, права которых ущемляются большинством - господствующим классом, государством, церковью. Специфика террора усматривается в тактике "партизанской борьбы", которая не признает ни правил, ни знаков отличия, и этим ввергает в ужас профессиональных военных. Трудности борьбы с террористами затеняют то обстоятельство, что в современном обществе они обрели новое качество. Национальные, этнические, религиозные и классовые противоречия не объясняют ни спектакулярности протеста, ни виральности новых форм зла, обусловленных коммуникативными структурами. Современное общество, старательно очищаемое от беспорядка, на самом деле представляет собой благодатную почву для террора. С одной стороны, сложные технологические структуры подвержены сбоям, и об этом свидетельствуют все более ужасные по своим последствиям технические катастрофы. С другой стороны, автономные индивиды, привыкшие к защите со стороны полиции, утратили не только бдительность, но и способность сопротивления на местах. Все сказанное позволяет сделать вывод, что понимание причин террора как сопротивления демократизации и цивилизации со стороны "тоталитарных", "архаичных" режимов оказывается явно недостаточным.
На основе анализа литературы, посвященной осмыслению террора, можно выявить

четыре стратегии его проблематизации: как характеристики объективного мира (натуралистический дискурс); как состояния субъективной воли (критический дискурс); как понятия (спекулятивный дискурс); как формации (генеалогический дискурс). Мне кажется полезным обратить внимание на специфику современного террора как медиума современных коммуникативных систем. Террор всегда сопровождается дискурсивным обоснованием и символическим пониманием. Во-первых, его причины кроются не где-то вне, а внутри самого общества; оно само находит и даже порождает своих врагов. Вступив в эру высоких цивилизаций, человечество стало бояться чужих и отгораживаться от них стенами. Во-вторых, террор во многом является побочным продуктом "лингвистики". В конце концов, разве понятия «расы» и «цивилизации» не являются своего рода научными мифами?
Конечно, "натуральный" чужой стремительно исчезает, и об этом свидетельствуют толпы людей, одетых в живописное стилизованное этническое тряпье и проводящих время в барах и пабах современных мегаполисов. Вместе с тем, город не только стирает, но и прочерчивает свои различия. Главари исламских террористов, как правило, получили образование на Западе. Но они не приняли его ценностей: Айатола Хомейни вернулся с Запада, чтобы завоевать Иран; исполнителем первого теракта в Международном торговом центре в 1993 г. был тихий и незаметный инженер-химик; летчики террористы, атаковавшие его спустя восемь лет, получили образование в США. Это свидетельствует о том, что мегаполисы не справляются с ролью «плавильного тигля» наций и этносов. Более того, именно в них складываются новые жесткие различия и разгораются конфликты.
Следует иметь в виду, что "критико-иделогическая" риторика и семиотическая техника анализа принуждают к абсолютизации символического подхода, в рамках которого растворяется специфика, как политического, так и культурного террора. Между тем следует различать такие формы зла как вербальное насилие или компьютерные вирусы и заранее спланированные, тщательно подготовленные акции боевиков, стремящихся не только испугать, но и убить как можно больше народа. Террор - это всегда насилие, протест, интенсивность и эффективно противодействовать ему можно только повышением способности людей активно ему противостоять.
Косвенно о трансформации форм зла можно судить по дискуссиям медиков, юристов, политиков, священников, а также специалистов по этике, конфликтологии и т.п. Предлагаемые ими дополнения к традиционным нормам права и морали говорят о недостаточности Нагорной проповеди в новых условиях и о появлении новых - стерильных форм зла. Отмена смертной казни, перенос войн в космос, победа над массовыми инфекционными болезнями, помощь бедным и другие важные достижения доказывают наличие не только технического, но и нравственного прогресса. Человечество становится гуманнее, и по отношению к нему уже немыслимы убийства, войны, геноцид, болезни, бедность. Любые формы жестокости осуждаются, и во всех сферах жизни от школы до казармы можно наблюдать становление дружеских или, по крайней мере, партнерских отношений между теми, кто приказывает и подчиняется. Именно в свете несомненной гуманизации и рационализации жизни кажутся необъяснимыми всплески насилия и жестокости, о которых с наивным цинизмом сообщают наши масс-медиа.
В. Беньямин, которого вряд ли кто может заподозрить в симпатии к фашизму, еще в 20-е годы написал "Метафизику насилия", в которой, пророчески предчувствуя приход фашизма, считал его расплатой за демократию. Более того, различая две формы насилия - мифическую и божественную, он показал, что апелляция к ним происходит как акт учреждения права в ходе смены одного миропорядка другим, Казнь короля, или в последние годы суд над лидерами тоталитарных государств, показывает, что для этого по сути дела нет правовых оснований. Король и диктатор сами являются учредителями законов. Их трудно осудить на основе установленного ими самими законодательства, однако было бы несправедливо применять по отношению к ним "демократические" законы. Будь-то народные трибуналы, которые судили во время революции, будь то демократический суд, выступающий от имени "прав человека", все эти институты справедливости так или иначе сталкиваются с проблемой насилия, которая проявляется, в том числе, и в акте учреждения закона.
Становление человека в процессе гипер-инсуляции сопровождалось порывом выхода наружу, и это создавало высокое напряжение. Вторжение окружающей среды в жилище предлюдей также приводило к драматическим последствиям. Охотник легко

превращался в жертву, а природные катастрофы уничтожали с большим трудом возведенные стены; хищники и враги проникали в святая святых первобытной группы - в пространство мать-дитя - и уничтожали их. Все это было той высокой ценой, которую человек платил за свою биологическую незавершенность и культурную изнеженность. Стабильное существование и порядок взрываются в чрезвычайных ситуациях, и люди снова оказываются нагими и беззащитными перед природой. В таких условиях чрезвычайно важной оказывается способность вернуться от утонченного к рутинному образу жизни, к вечному повторению того же самого. Так открывается горизонт символической иммунологии и психосемантики, вне которого не мыслимо существование homo sapiens с его хроническими страданиями.
В периоды высокой культуры основную опасность представляют собой не столько хищники и природные катастрофы, сколько враждебно настроенные соседи. Стресс чужого - это не чисто психологический продукт биологической слабости существа, условием выживания которого является агрессивность. Человек как незавершенное, открытое существо не добр и не зол по природе. Он – медиум техники (включая социальные и политические технологии, а также культурные антропотехники). Человеческая агрессивность не врожденная, а социально унаследованная. Конечно, крупные акции террористов принимают поистине апокалипсический характер, но я думаю, что и это не основание для манихейства. Если посмотреть на наш глобализирующийся мир с точки зрения безопасности, то можно прийти в ужас. Наше общество плохо защищено от сбоев, и любой недовольный, психически неустойчивый или просто нетрезвый человек может вызвать чудовищную техническую катастрофу. На самом деле вина лежит не на технике. В широком смысле террор следствие нашего мышления, сформировавшегося на технике войны и покорения природы, а также технологии власти, опирающейся на насилие, ведущей к отчуждению людей. Страх перед новыми информационными технологиями, научно-техническими открытиями в области генетики и атома во многом вызван последствиями использования этих открытий людьми, мышление которых воспитано в традициях завоевания и покорения будь-то природных или человеческих ресурсов. Между тем, как современный многополярный мир, так и современная техника предполагают совсем другое мышление, основанное не на агрессии, а на мирном сосуществовании и сотрудничестве.
Итак, терроризм и насилие не отвечают современному уровню цивилизации. Однако не секрет, что в истории более высокие культуры, более цивилизованные народы терпели поражение от варваров. Некоторые современные историки делают вывод, 11 сентября были похоронены надежды на мирный путь развития человечества. На самом деле война не является неизбежной. Цивилизованные народы должны посмотреть на себя глазами своих предков и таким образом увидеть недостатки, очевидные их «нецивилизованным» соседям. Точно также противники глобализации могли бы обратить свою энергию на развитие и укрепление символической иммунной системы своего общества, которым они дорожат. Сильные культуры не боятся чужих влияний и не являются агрессивными. Мы должны признать право любого народа гордиться своей культурой и сохранять ее своеобразие в условиях глобализации. В условиях единого экономического и информационного пространства совсем не обязательно всем питаться в «макдональдсах», носить одинаковую одежду и петь одни и те же песни. Именно свободная игра сил, а не насилие могут способствовать сохранению прочной социальной ткани общества. Террор – это эрозия не только Запада, но и Востока.

Это статья была распечатана из Интернета и доступна по адресу::
http://oedipus.ru/bxod/read.php?sname=doc&articlealias=markov_d

© АНТИТЕРРОР | Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора |

Powered by LogoArtzuch